

АЖОРАҶ ҶОРАОН

БАМИРОН

Джордж Гордон Байрон

Видение суда

Написано Quevedo Redivivus[1] в ответ на поэму под таким же заглавием автора «Уота Тайлера»

«Он Даниил второй, я повторяю».

Спасибо, жид, что подсказал ты мне

Сравнение такое. Шекспир, «Венецианский купец», д. IV, сц. 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят очень верно, что «один дурак порождает многих» (что глупость заразительна), а у Попа[2] есть стих, где сказано, что «дураки вбегают туда, куда ангелы едва решаются вступить». Если бы м-р Саути не совался туда, куда не следует, куда он никогда до того не попадал и никогда более не попадет, нижеследующая поэма не была бы написана. Весьма возможно, что она не уступает его поэме, потому что хуже последней ничего не может быть по глупости, прирожденной или благоприобретенной. Грубая лесть, тупое бесстыдство, нетерпимость ренегата и безбожное лицемерие поэмы автора «Уота Тайлера» до того чудовищны, что достигают своего рода совершенства — как квинтэссенция всех свойств автора.

Вот все, что я могу сказать о самой поэме, и я прибавлю только несколько слов о предисловии к ней. В этом предисловии великодушному лауреату угодно было нарисовать картину фантастической «сатанинской школы», на которую он обращает внимание представителей закона, прибавляя, таким образом, к своим другим лаврам притязания на лавры доносчика. Если где-нибудь, кроме его воображения, существует подобная школа, то разве он не достаточно защищен против нее своим крайним самомнением? Но дело в том, что м-р Саути, как Скраб,[3] заподозривает нескольких писателей в том, что они «говорили о нем, потому что они сильно смеялись». Я, кажется, достаточно знаю большинство писателей, на которых он, по-видимому, намекает, чтобы утверждать, что каждый из них сделал больше добра своим ближним в любой год, чем м-р Саути навредил себе своими нелепостями за целую жизнь, а этим не мало сказано. Но я должен предложить еще несколько вопросов:

Во-первых, действительно ли м-р Саути автор «Уота Тайлера»?[4]

Во-вторых, получил ли он от Верховного судьи излюбленной им Англии отказ в законном удовлетворении за незаконное напечатание[5] богохульственного и возмутительного сочинения?

В-третьих, не назвал ли его Вильям Смит[6] открыто в парламенте «злым ренегатом»?

В-четвертых, разве он не поэт-лауреат, хотя у него на совести есть такие стихи, как о цареубийце Мартине?

И в-пятых, соединяя все предшествовавшие пункты, как у него хватает совести обращать внимание закона на произведения других, каковы бы они ни были?

Я уже не говорю о гнусности такого поступка — она слишком очевидна, но хочу только коснуться причин, вызвавших его; они заключаются ни более и ни менее как в том, что его недавно слегка высмеяли в нескольких изданиях — так же как его прежде высмеивали в «Antijacobin» его теперешние покровители.[7] Отсюда вся эта ерунда про «сатанинскую школу» и т. д.

Как бы то ни было, а это вполне на него похоже — «qualis ab incepto».

Если некоторые читатели найдут в нижеследующей поэме нечто оскорбительное для своих политических убеждений, то пусть они винят в этом м-ра Саути. Пиши он гекзаметры, как он писал все другое, автору не было бы до этого никакого дела, если бы только он избрал другой сюжет. Но возведение в святые монарха, который — каковы бы ни были его семейные добродетели не прославился никакими успехами и не был патриотом[8] (несколько лет его царствования прошли в войнах с Америкой и с Ирландией, не говоря уже о его нападении на Францию) — это, как и всякое преувеличение, естественно, вызывает протест. Как бы о нем ни говорилось в этом новом «Видении», история не будет более благосклонна в своем суждении о его государственной деятельности. Что касается его добродетелей в частной жизни (хотя и стоивших очень дорого народу), то они вне всякого сомнения.

Что касается неземных существ, выведенных в поэме, я могу сказать только, что знаю о них столько же, сколько и Роберт Саути, и, кроме того, я, как честный человек, имею больше права говорить о них. Я, кроме того, отнесся к ним с большей терпимостью. Манера жалкого помешанного лауреата творить суд в будущем мире такая же нелепая, как его собственные рассуждения в этой жизни. Если бы это не было абсолютно комично, то было бы еще хуже, чем глупо. Вот все, что можно сказать об этом.

Quevedo Redivivus

P. S. Возможно, что некоторым читателям не понравится свобода, с которой святые, ангелы и духи разговаривают в этом «Видении». Но я могу указать на прецеденты в этом отношении, на «Путешествие в загробный мир» Филдинга,[9] на мои, Кеведо, «Видения»[10] по-испански и в переводе. Пусть читатель обратит внимание и на то, что в поэме не обсуждаются никакие догматы и что личность Божества старательно скрыта от взоров, чего нельзя сказать про поэму лауреата. Он счел возможным приводить слова Верховного судьи, причем он говорит в поэме вовсе не как «школьный святой», [11] а как весьма невежественный м-р Саути. Все действие происходит у меня за пределами небес, и я могу назвать, кроме уже названных вещей, еще «Женщину из Бата» Чосера,[12] «Морганте Маджиоре» Пульчи,[13] «Сказку о бочке» Свифта[14] в подтверждение того, что святые и т. д. могут разговаривать вполне свободно в произведениях, не претендующих на серьезность.

Q. R.

Мистер Саути, будучи, как он говорит, добрым христианином и человеком злопамятным, угрожает мне, по-видимому, возражением на этот мой ответ. Нужно надеяться, что его духовидческие способности станут за это время более разумными, не то он опять впутается в новые дилеммы. Ренегаты-якобинцы дают, обыкновенно, богатый материал для возражений.

Вот вам пример: м-р Саути очень хвалит некоего мистера Лэндора, известного в некоторых кружках своими латинскими стихами, и несколько времени тому назад поэт-лауреат посвятил ему стихи, превозносящие его поэму «Гебир». Кто бы мог предположить, что в этом самом «Гебире» названный нами Севедж Лендор[15] (таково его мрачное имя) ввергает в ад ни более ни менее как героя поэмы своего друга Саути, вознесенного лауреатом на небо, Георга III. И. Севедж умеет быть очень язвительным, когда пожелает. Вот его портрет нашего покойного милостивого монарха:

(Принц Гебир, сошедший в преисподнюю, обозревает вызванные по его просьбе тени его царственных предков и восклицает, обращаясь к сопровождающему его духу):

«— Скажи, кто этот негодяй здесь подле нас? Вот тот с белыми бровями и косым лбом, вот тот, который лежит связанный и дрожит, поднимая рев под занесенным над ним мечом? Как он попал в число моих предков? Я ненавижу деспотов, но трусов презираю. Неужели он был нашим соотечественником?

— Увы, король, Иберия[16] родила его, но при его рождении в знак проклятия пагубные ветры дули с северо-востока.

— Так, значит, он был воином и не боялся богов?

— Гебир, он боялся демонов, а не богов, хотя им поклонялся лицемерно каждый день. Он не был воином, но тысячи жизней разбросаны были им, как камни при метании из пращи. А что касается жестокости его и безумных прихотей — о, безумие человечества! К нему зывали и ему поклонялись!..» («Gebir», p. 28).

Я не привожу нескольких других поучительных мест из Лендора, потому что хочу набросить на них покров с позволения его серьезного, но несколько необдуманного поклонника. Могу только сказать, что учителя «высоких нравственных истин» могут очутиться иногда в странном обществе.

I

Апостол Петр сидел у райских врат.

Его ключи порядком заржавели:

Уж много дней и много лет подряд

Дремал святой привратник от безделья.

Ведь с якобинской эры[17] только ад

Пополнился: все грешники летели

Туда, — а у чертей — я сам слышал! —

Был, как матросы говорят, аврал!

II

Хор ангелов, нестройный, как всегда,
Томясь от скуки, пел довольно вяло:
Немногого им стоило труда
Луну и солнце подвинтить устало
И присмотреть — а вдруг сбежит звезда
Или комета — жеребенок шалый —
Хвостом планету бойко раздробит,
Как лодку на волнах игривый кит.

III

И серафимы удалились ввысь,
Решив, что мир не стоит попеченья;
Никем дела земные не велись,
Лишь ангел-летописец в огорченье
Следил, как быстро беды развелись
В подлунном мире: ведь при всем раченье,
На перья оба выщипав крыла,
Он отставал в записыванье зла.

IV

Работы накопилось свыше сил,
Хоть бедный ангел продолжал трудиться

Как смертный стряпчий:[18] он тщеславен был
И опасался должности лишиться;
Но наконец устал он и решил
К своим властям небесным обратиться
За помощью — и получил от них
Шесть ангелов и дюжину святых.

V

Немалый штат, но дела всем хватало:
Так много царств сменилось и систем,[19]
Так много колесниц прогрохотало,
Да каждый день убитых тысяч семь!
Но Ватерло[20] резнею небывалой
И мерзостной внушило ужас всем,
И, описав великое сраженье,
Все пошвыряли перья в отвращенье.

VI

А впрочем, я писать ведь не хотел
О том, чего и ангелы боятся:
От адской гекатомбы мертвых тел
Сам дьявол содрогнулся, может статья,
Хоть он и нож точил для этих дел,
Но нужно к чести сатаны признаться,

Великих он не восхвалял совсем,
Поскольку точно знал им цену всем.

VII

Перевернем же несколько страниц
Недолгого бессмысленного мира:
Не стало меньше трупов и гробниц,
Не стали лучше скипетр и порфира,
Герои шли и повергались ниц,
И громоздились новые кумиры,
Как чудища «о десяти рогах»,
В пророчествах внушающие страх.

VIII

На рубеже Второй Зари Свобод
Георг скончался.[21] Не был он тираном,
Но был тиранам друг. Из года в год
Его рассудок заплывал туманом.
Властитель, разоряющий народ
И благосклонный к мирным поселянам,
Он мертв. Оставил подданных своих
Полупомешанных, полуслепых.

IX

Он умер. Смерть не вызвала смятенья,
Но похороны вызвали парад:
Здесь бархат был, и медь, и словопренья,
И покупного плача маскарад,
И покупных элегий приношенье
(На рынке и они в цене стоят!),
А также факелы, плащи и шпаги.
Регалии готической отваги.

X

И мелодрама слажена. Едва ль
В густой толпе глазеющих болванов
Кто помышлял о мертвом: вся печаль
Была от черных платьев и султанов.
Покойника немногим было жаль,
Хотя гремело много барабанов,
Но адскою казалось чепухой
Зарыть так много золота с трухой!

XI

Итак: да станет прахом это тело,

Землей, водой и воздухом опять —
Свершить сей путь оно б скорей успело.
Не будь порядка трупы умащать:
Бальзамы, примененные умело,
Ему мешают мирно догнивать,
По существу же эти ухищренья
Лишь удлиняют мерзость разложенья.

XII

Он умер. С ним покончил этот свет.
Осталась только надпись на гробнице
Да завещанье, но юриста нет,
Который спорить дерзостно решится
С наследником: он папенькин портрет
И лишь одним не может похвалиться
С почившим патриархом наравне:
Любовью к злой, уродливой жене.

XIII

«Господь, храни нам короля!» Признаюсь,
Он очень бережлив, храня таких.
А впрочем, я сказать не собираюсь,
Что лучше преисподняя для них.
Пожалуй, я один еще пытаюсь

Исправить зло для мертвых и живых:

Мне хочется, презрев чертей ругательства,

Умерить адское законодательство.

XIV

Я знаю — это ересь и порок,

Я знаю — я достоин отлученья,

Я знаю катехизис, знаю прок

Доктрине христианского ученья;

Старательно я вызубрил урок:

«Одна лишь наша церковь — путь к спасенью,[22]

А сотнями церквей и синагог

Чертовски неудачно выбран бог!»

XV

О боже! Всех ты можешь защитить —

Спаси мою беспомощную душу!

Ее ведь черту легче залучить,

Чем лесой рыбку вытащить на сушу

Иль мяснику за час преобразить

Ягненка в освежеванную тушу,

А, впрочем, обречен любой из нас

Кому-то пищей стать в урочный час!

XVI

Апостол Петр дремал у райских врат...

Вдруг странный шум прервал его дремоту:

Поток огня, свистящий вихрь и град —

Ну, словом, рев великого чего-то.

Тут не святой ударил бы в набат,

Но наш апостол, подавив зевету,

Привстал и только молвил, оглядясь:

«Поди, опять звезда разорвалась!»

XVII

Но херувим его похлопал дланью,

Вздыхнул апостол, потирая нос.

«Святой привратник! — молвил дух. — Воспряни!»

И помаhal крылом. Оно зажглось,

Как хвост павлина, как зари сиянье.

Апостолу вздремнуть не удалось.

«Ну! — молвил он. — В чем дело, непонятно?!

Не Сатану ли к нам несет обратно?»

XVIII

«Георг скончался Третий!» — дух изрек.

«Георг? Я что-то плохо разумею...

А кто Георг? что Третье? невдомек!»

«Король английский, говоря точнее...»

«А целой ли он голову сберег,

А то один тут был с обрубком шеи,[23]

И никогда б не быть ему в раю,

Не тычь он всем нам голову свою!

XIX

Он, помнится, король французский был

И для башки, которая короны

Не удержала, дерзостно просил

Венца блаженных у господня трона!

Да я бы сам такую отрубил,

Как уши я рубал во время оно!

Но, не имея доброго меча,

Ключом я саданул его сплеча.

XX

И тут он поднял безголовый вой, —

Святые все сбежались, пожалели!

Теперь он с этой самой головой

И в мученики выйдет, в самом деле!

Запанибрата с Павлом, точно свой
Воссел он, где достойные воссели!
Проныра Павел! Впрочем, что он нам?!
Мы цену знаем всем его чинам!

XXI

Не так бы это дело обстояло,
Будь голова у короля цела,
Святых, понятно, жалость обуяла,
Она-то вот ему и помогла:
Ведь милость божья заново спаяла
Башку его и тело! Ох, дела!
Зачем-то исправляем мы от века
Все мудрое в деяньях человека!»

XXII

«Святой! — заметил ангел. — Брось ворчать!
Король пока при голове остался,
Куда и как ее употреблять
Он толком никогда не разобрался.
В руках, умевших нити направлять,
Марионеткой праздной он болтался[24]
И будет здесь, как прочие, судим,
А наше дело — молча поглядим!»

XXIII

Тем временем крылатый караван
Пространство рассекал с великой силой,
Как лебедь волны рек полдневных стран.
Ну, скажем, Ганга, Инда или Нила,
А то и Темзы. Страхом обуян,
Летел среди крылатых старец хилый,
У райских врат, полет окончив свой,
На облако присел он чуть живой.

XXIV

Меж тем иной какой-то Дух могучий
Над светлым войском расправлял смелей
Свои крыла, как грозные тучи
Над щепами разбитых кораблей.
Он был как вихрь, метнувшийся над кручен,
И помыслы, один другого злей
Отметили чело его немое,
И взор его пространство полнил тьмою.

XXV

Он так непримиримо поглядел
На вход навеки для него закрытый,
Что Петр и тот порядком оробел:
Он был старик угрюмый и сердитый,
А тут от страха даже пропотел,
Не зная, у кого искать защиты.
(Но, впрочем, пот сей был святой елей
Или иной состав — еще светлей!)

XXVI

И ангелы тревожным роем сбились,
Как птички, чуя коршуна: у них
Все перышки дрожали и светились,
Как Орион на небесах ночных.
Хотя они достойно обходились
С Георгом, но старик совсем притих:
Быть может, даже позабыл он с горя,
Что ангелы всегда и всюду — тори!

XXVII

Все на мгновенье замерло. Но вот
Врата сверкнули вдруг и распахнулись.
Лучи с недостижимых высот

Планеты нашей крохотной коснулись,
Как пламя заливая небосвод,
И северным сияньем изогнулись,
Тем самым, что во льдах полярных стран
Увидел Пэрри[25] — храбрый капитан!

XXVIII

И по небу разлился, полыхая,
Прекрасный и могучий райский свет,
Как знамя славы, радостно сверкая
Величьем торжествующих побед.
(Сравненьями я тему обедняю,
Зане сему земных подобий нет:
Не всем дано провидеть столь пространно,
Как Саути Боб иль Сауткот[26] Иоанна!)

XXIX

То был архангел Михаил; из нас
Любой легко признает Михаила:
Воспеты и описаны не раз
Князь ангелов и вождь нечистой силы,
В церквах — для наших слабых смертных глаз —
Бесплотные светлы и многокрылы,
Но какова их подлинная суть,

Пускай другой решает кто-нибудь.

XXX

В сиянье славы, славою творимой,
Стоял архангел, благостью храним,
И юные склонились херувимы
И дряхлые святые перед ним.
(О старости я говорю лишь мнимой
И юность не приписываю им:
С Петром в сравненье, говоря точнее,
Они не то что младше, а нежнее!)

XXXI

Так иерарха всех небесных сил
Встречали все святые, величая,
Затем что он из первых первый был
Наместник Бога для земли и рая,
Но даже тени чванства не таил
В душе своей небесной, твердо зная,
Что, как его ни чтим и ни поем, —
Он остается вице-королем!

XXXII

Он и угрюмый молчаливый Дух
Взглянули друг на друга — и узнали...
Непримиримый враг, минувший друг?
О чем они бесплотно вспоминали?
Но в лицах их мелькнули тени вдруг
Бессмертной, гордой, выпреренной печали
О том, что им навеки суждена
В пространстве сфер упорная война.

XXXIII

Но здесь была нейтральная граница —
Из Иова к тому ж известно нам,[27]
Что трижды в год и Дьявол не боится
Являться светлым ангельским чинам.
Тогда уж не приходится скупиться
На вежливость обеим сторонам:
Я б вам привел любезный их диалог,
Да времени, признаться, слишком мало.

XXXIV

И дело, разумеется не в том,
Чтоб доказать в цитатах из Писанья,

Что Иов — аллегория. Притом,
Быть может, это просто описание
Весьма реальных фактов. Мы берем
Лишь самые прямые указания:
Они ясны и — верьте или нет —
Не менее ясны, чем прочий бред!

XXXV

Итак — на почве, в сущности, нейтральной
Они сошлись, где роковой порог,
Там смерть отбор проводит inferнальный
Бесплотных конвоируя в острог.
Они не лобызались, натурально,
Но каждый был любезен сколько мог:
В изысканной учтивости, казалось,
С Их Светлостью Их Мрачность состязалась.

XXXVI

Архангел, поклонившись, изогнулся,
Но не жеманно, как дешевый фат:
Своей груди изящно он коснулся,
Где сердце смертных бьется, говорят.
Но Сатана лишь гордо улыбнулся:
Он был со старым другом суховат,

Как нищий гранд прославленного рода
С богатым выскочкой простой породы.

XXXVII

Он, поклонившись дьявольски-надменно,
Сказал, спокойно выступив вперед,
Что Судия небесный несомненно
Георга в преисподнюю пошлет:
Немало там правителей почтенных,
От коих меньше пострадал народ.
Мостящих ад, как видно из преданий,
Обломками «прекрасных начинаний».[28]

XXXVIII

«Чего ты хочешь, — начал Михаил, —
От этого несчастного созданья?
Какие он деянья совершил,
И совершал ли в жизни он деянья?
Насколько плохо правил он и жил,
Открыто изложи всему собранью:
Докажешь обвиненья — грешник твой,
А если нет — его не беспокой!»

XXXIX

«Да, Михаил! — ответил Дьявол. — Да!

У врат того, кому ты служишь верно,

Я заявляю, что пришел сюда

За подданным: он чтит меня всемерно,

Пока носил корону. Не беда,

Что он не знал вина и прочей скверны,

Но с той минуты, как воссел на трон,

Мне одному в угоду правил он!

XL

Взгляни на нашу землю — хоть верней,

Мою! Увы, давно не торжествую

Над бедною планетой: все на ней

Влачат убого жизнь свою пустую.

Сказать по правде — кроме королей

Едва ли кто такую кару злую

Несет за дело! И властитель твой

Напрасно блещет славой огневой!

XLI

Мне данники земные короли.

Попытки переделать их бесплодны:
Высокие властители земли
Настолько мне усердны и угодны,
Что мы давно к решению пришли
Им предоставить действовать свободно!
Их небеса к добру не преклонят
И к худшему не переменит ад!

XLII

Взгляни на нашу землю, повторяю:
Когда сей червь бессильный и слепой
Вступил на трон, правленье начиная,
И он и мир имели вид иной:
Его своим владыкой величая,
В покое мирном радости земной
Хранили острова его по праву
Родной уклад и добрых предков нравы.

XLIII

Взгляни, какой, покинув жизнь и власть,
Оставил он страну свою? Сначала
Он подданных любимцу отдал в пасть,[29]
Потом его стяжанье обуяло,
Порок убогих, эта злая страсть,

Презренных душ сгубившая немало.

В Америке свободу он душил

И с Францией не лучше поступил!

XLIV

Он, правда, был орудием в руках,

Но, согласись, хороший мастер вправе

Его швырнуть в огонь; во всех веках,

С тех пор, как смертными монархи правят,

В кровавых списках грязи и греха,

Что всю породу цезарей бесславят,

Другое мне правленье назови,

Столь глубоко погрязшее в крови!

XLV

Ведь даже слов „свободный“ и „свобода“

Слепой король Георг не выносил:

Из памяти народов и народа

Искоренял он их по мере сил.

Он правил долго, и за эти годы

Всему и вся он горе причинил.

Лишь тем он от собратий отличался,

Нто пьянством и развратом не прельщался.

XLVI

Был верным мужем, неплохим отцом —
На троне, правда, хорошо и это, —
Поститься за Лукулловым столом
Трудней, чем за столом анахорета! —
Но подданным его что пользы в том?
Их стоны оставались без ответа!
Один лишь гнет, жестокий, страшный гнет,
Испытывал измученный народ.

XLVII

Его стряхнул недавно Новый Свет,[30]
Но Старый стонет под ярмом жестоким
Ему подобных: где на тронах нет
Преемников, в ком все его пороки
Воскрешены? Лукавый дармоед
И деспоты, забывшие уроки
Истории; — никто беды не ждет,
Но пусть они трепещут: час придет!

XLVIII

Простые духом бережно хранили
Завет наивный праотцев своих:
Молились богу, но и вас любили,
Тебя, архангел, и тебя, старик.
Ужели все вы сердцем так остыли,
Что вас не ужасали стоны их,
Когда обрушил гнев несправедливый
На христиан король благочестивый?[31]

XLIX

Он, правда, дал им право бога чтить,
Но отказал в законе и защите,
Лишая их того, чего лишить
Неверного и то не захотите...»
Тут Петр вскочил: «Нет! Этому не быть! —
Вскричал он. — Прочь виновного ведите!
Скорей пускай я буду проклят сам,
Нем в божий рай пробраться Гвельфу[32] дам!

L

За Цербера скорее стану я,
Хоть труд его не синекура тоже,
Чем допущу в надзвездные края
Ханжу и нечестивца с мерзкой рожей!..»

«Святой! — заметил Дьявол. — Страсть твоя
И правый гнев твой мне всего дороже!
А что до смены Цербера — изволь!
И наш годится на такую роль!»

LI

Тут Михаил вмешался: «Погодите!
Вы, Дьявол, да и вы, мой друг Святой!
Вы, добрый Петр, напрасно так шумите,
Вы, Сатана, порыв его простой
Из снисхожденья к пылкости простите!
И праведник забудется порой
В разгаре споров. Попрошу собрание
Прослушать очевидцев показанья!»

LII

Знак подал Дьявол. Дрогнул эмпирей
И, силе магнетической послушен,
Зажегся искрой, молнии быстрее,
Скопленья туч разрядами наруша.
От залпа inferнальных батарей
Вселенский гром потряс моря и сушу.
(Как пишет Мильтон — этот род войны
Важнейшее открытие Сатаны!)

LIII

И это был сигнал для тех несчастных,
Которым привилегия дана
Перемещаться всюду, ежечасно,
Презрев пространства, грани, времена.
Они порядкам ада не подвластны
И к месту не прикованы — одна
Владеет ими страсть к передвижению,
Но кара их от этого не менее.

LIV

Они гордятся этим. Ну и что ж?
Приятен всякий символ благородный:
Как ключ, блестящий из-под фалд вельмож,
Как франкмасонов символ ныне модный.
Набор моих сравнений не хорош:
Я — праха сын, как стих мой, с прахом сходный!
Мне духи высших сфер должны простить:
Ведь, право же, я их умею чтить!

LV

Итак: был дан сигнал из рая в ад,
А расстоянье это подлиннее,
Чем от земли до солнца. Говорят,
Исчислили уж те, кто нас умнее,
С какою быстротой лучи летят
От солнца к нам, чтоб сделалось светлее
И в лондонском тумане, где с утра
Блестят на зданьях только флюгера.

LVI

Итак: пошло не более мгновенья
На это все. Признаться мы должны:
У солнечных лучей поменьше рвенья,
Чем у гонцов надежных Сатаны:
При первом состязанье, без сомненья.
Окажутся они побеждены:
Где света луч годами мчится к цели.
Там Дьяволу не нужно и недели!

LVII

В просторе сфер с пятак величиной
Явилось как бы пятнышко сначала
(Я видел нечто сходное весной

В Эгейском море пред началом шквала), —
Оно меняло быстро контур свой,
Как некий бот, несущийся к причалу,
Или «несомый»? Сомневаюсь я
И в знании грамматики, друзья!

LVIII

Оно росло по мере приближенья
И очень скоро в тучу разрослось.
(И саранчи подобного скопленья
Мне наблюдать еще не довелось.)
Затмили свет мятущиеся тени,
Как крик гусей стенанье их неслось...
(Но, уподобив их гусиным стаям,
Мы нации гусям уподобляем!)

LIX

Здесь крепкими словами проклинал
Джон Буль[33] свою же тупость, как обычно,
«Спаси Христос!» — ирландец бормотал,
Французский дух ругался неприлично.
(Как именно — я скромно умолчал:
Извозчикам такая брань привычна!)
Но голос Джонатана[34] все покрыл:

«Эге! Наш президент набрался сил!»

LX

Здесь были и испанцы, и датчане,
Тьма-тьмущая встревоженных теней;
Голландцы были тут и таитяне,
Они смыкались кругом все тесней,
Готовя сотни тысяч показаний
И на Георга, и на королей
Ему подобных, за свои деянья,
Как вы и я, достойных наказанья.

LXI

Архангел побледнел: ведь побледнеть
Порой способен и архангел даже,
Потом он стал искриться и блеснуть,
Как солнца луч сквозь кружево витражей
В готическом аббатстве или медь
Военных труб и пестрые плюмажи,
Как свежая форель, как вешний сад,
Как зори, как павлин, как плац-парад.

LXII

Потом он обратился к Сатане:

«Зачем же, друг мой, — ибо я считаю,
Что вы отнюдь не личный недруг мне,
Идейная вражда у нас большая,
Не будем вспоминать, по чьей вине,
Но я вас и ценю, и уважаю,
И, видя ваши промахи подчас,
Я огорчаюсь искренно за вас!

LXIII

Да, дорогой мой Люцифер! К чему ж
Излишество такое обвинений?
Я разумел совсем не толпы душ,
А парочку корректных заявлений!
Ведь их вполне достаточно! К тому ж
На разбирательство судебных прений
Я не хочу растрачивать — ей-ей! —
Бессмертия и вечности своей!»

LXIV

«Что ж! — молвил Сатана. — Не споря с вами,
Пожалуй, я готов его отдать:

Я получил бы с меньшими трудами
Гораздо лучших душ десятков пять.
Я только для проформы, между нами,
Хотел монарха бриттов оттягать:
У нас в аду — и Бог про это знает —
И без него уж королей хватает!»

LXV

Так молвил Демон, коего зовет
Многострочивый Саути «многоликим».
Вздыхнул архангел: «Стоит ли хлопот —
Возиться с этим сборищем великим?
Пускай любой свидетель подойдет
И скажет, чем не угодил старик им!»
«Отлично! — молвил Сатана. — Ну что ж?
А вот Джек Уилкс[35] — он, кажется, хорош!..»

LXVI

И пучеглазый бритт, весьма забавный,
Довольно бойко выступил вперед;
Он был одет с опрятностью исправной
Ведь наряжаться любит весь народ
На том и этом свете; благонравный
Адам — родоначальник наших мод,

А скромный фиговый листочек Евы
Прообраз юбки, как согласны все вы!

LXVII

Дух, обратясь ко всем, сказал: «Друзья!
На небесах у них холодновато
И ветрено. Боюсь простуды я!
Скорее к делу! Почему, ребята,
Вы собрались? Скажите не тая!
Не выбирать ли в небо депутата?
Так вот: пред вами я — чистейший бритт,
Апостол Петр вам это подтвердит!»

LXVIII

«Сэр! — возразил архангел. — Это бренно!
Дела мирские чужды нам сейчас:
Задача наша более почтенна:
Мы судим короля на этот раз!»
«А! — молвил Джек. — Так эти джентльмены
Крылатые, что окружают вас,
Чай, ангелы?! А я и не заметил!
А тот старик? Уж не Георг ли Третий?»

LXIX

«Да! — Михаил ответил. — Это он!
Его судьбу решат его деянья.
На небе с незапамятных времен
И самый жалкий нищий в состоянье
Судить великих!» — «Неплохой закон! —
Заметил Джек. — Но я без предписанья
И там, под солнцем смертных находясь,
Все говорил, что думал, не таясь!»

LXX

«Так повтори
над солнцем речи эти,
Грехи Георга назови при всех!» —
Сказал архангел. «Полно! — дух заметил. —
Теперь его губить уж просто грех:
В парламенте, когда он жил на свете,
Его не раз я поднимал на смех,
Что поминать былые недостатки:
Ведь он — король, с него и взятки гладки!»

LXXI

Он, правда, был жесток и глуповат,
Католиков казня миролюбивых,
Но Бьют-наперсник в этом виноват
И Грэфтон[36] — автор книг благочестивых.
Они уже давно в котлах кипят
В аду, во власти дьяволов ретивых,
А короля бы можно и простить, —
Пускай в раю он будет, так и быть!»

LXXII

«Ты стал, Джек Уилкс, на склоне лет пигмеем! —
Насмешливо заметил Сатана. —
Привычка быть придворным и лакеем
Тебе, однако, больше не нужна:
Глупцом ли был Георг или злодеем —
Он больше не король: одна цена
Всем грешникам! Не подличай! Не надо!
Теперь он только твой сосед по аду!

LXXIII

Я видел — ты уж вертишься и там,
Прислуживая дьяволам сердитым,
Когда они, рыча по пустякам,
На сале лорда Фокса[37] жарят Питта,[38]

Его ученика! Ты знаешь сам:
Он был министр ретивый, даровитый,
Одних проектов уйму написал:
Ему я глотку ими затыкал!»

LXXIV

«Где Юниус?[39]» — раздался чей-то крик.
И все заволновались, всполошились,
И шум такой неистовый возник,
Что даже духи высшие смутились:
Напор теней был яростен и дик,
И все они толкались и теснились,
Как газы в пузыре иль в животе...
(Жаль, образ не на должной высоте!)

LXXV

И вот явился дух седой и хмурый,
Не призрак, а своей же тени тень.
То хохотал он дико, то, понурый,
Он был печален, как осенний день,
То вырастал он грозною фигурой,
То становился низеньким, как пень,
Его черты менялись непрестанно,
А это было уж и вовсе странно.

LXXVI

Сам Дьявол озадачен был: и он
Узнать сего пришельца затруднялся:
Как непонятный бред, как дикий сон,
Тревожный дух зловеще искажался,
Иным он страшен был, иным — смешон,
Иным он даже призраком казался
Отца, иль брата, иль отца жены,
Иль дяди с материнской стороны.

LXXVII

То рыцарем он мнился, то актером,
То пастором, то графом, то судьей,
Оратором, набобом, акушером,
Ну, словом, от профессии любой
В нем было что-то, он тревожным взором
Являл изменчивость судьбы людской,
Фантасмагорию довольно странную,
О коей фантазировать не стану я.

LXXVIII

Его не успевали и назвать,
Как он уже совсем другим являлся,
Пожалуй, даже собственная мать,
Когда он так мгновенно изменялся,
Его бы не успела опознать;
Француз, который выяснить пытался
Железной Маски тайну,[40] — даже тот
Здесь всем догадкам потерял бы счет.

LXXIX

Порой, как Цербер, он являл собою
«Трех джентльменов сразу» — это стиль
Творений миссис Малапроп,[41] — порою,
Как факел, виден был он на сто миль,
Порой неясной расплывался мглою,
Как в лондонском тумане дальний шпиль,
И Барком[42] он, и Туком[43] притворялся,
И многим сэром Фрэнсисом[44] казался.

LXXX

Гипотезу имею я одну,
Но помолчу о ней из спасенья,
Что пэры мне вменят ее в вину

Как дерзкое и вредное сужденье, —
Но все-таки я на ухо шепну
Тебе, читатель, это подозренье:
Сей Юниус — НИКТО, — все дело в том, —
Без рук писать умеющий фантом!

LXXXI

Мне возразят: «Да полно! Как же это,
Чтобы писать без рук? В уме ли вы?»
«Но пишут же и книги и памфлеты
Пииты, не имея головы?
Они, скрывая сей дефект от света,
Находят и читателей, увы!
Морщинась, часто мнит свиная кожа,
Что на чело мыслителя похожа!»

LXXXII

«Скажи нам, кто ты?» — молвил Михаил.
«Мой псевдоним на титульной странице,
Но если тайну я всю жизнь хранил,
То вам признанья тоже не добиться!»
«Так докажи нам то, в чем ты винил
Георга? Или хочешь отступиться
От слов своих?!» Но тень вскричала: «Нет!!!»

Теперь его черед держать ответ.

LXXXIII

Не защитят его от обвинений
Ни мрамор мавзолеев, ни парча!»
«Но нет ли все же преувеличений
В памфлете, сочиненном сгоряча?
Противники в разгаре словопрений,
В пылу страстей порой разят сплеча...»
«О да! Я ведал страсть, скрывать не стану:
Любовь к отчизне, ненависть к тирану!

LXXXIV

Я все сказал. Пусть одного из нас
Постигнет кара!» — молвил исступленно
Nominis Umbra[45] — и пропал из глаз.
А Дьявол молвил: «Было бы резонно
Нам вызвать, как свидетелей, сейчас
И Франклина, и Джорджа Вашингтона,
И Тука самого...» — но тут возник
На небесах какой-то шум и крик.

LXXXV

Отчаянно работая локтями,
Явился черт пред сборищем теней
И пал во прах с помятыми крылами,
Полураздавлен ношею своей.
Вскричал архангел, засверкав, как пламя:
«Что ты принес, злосчастный Асмодей?!
Ведь он не мертв!» — «Я только жду приказа, —
Ответил черт, — и он подохнет сразу!

LXXXVI

Ведь как тяжел, проклятый ренегат,
Его таща, чуть не свихнул крыла я!
Как гири из свинца, на нем висят
Его труды — вся писанина злая!
Кропал он эту пакость, супостат,
Историю и Библию кромсая,
Когда над Скиддо[46] ночью я летал
И свет в его окошке увидал.

LXXXVII

Историю придумал Сатана,
Но Библия — творенья Михаила!

Сообразил я, как страшна вина
Злосчастного британского зоила,
Схватил его, пока его жена
За чайником куда-то уходила,
И вот мы оба перед вами тут,
Летел я меньше десяти минут!»

LXXXVIII

«А! — молвил Сатана. — Он мне знаком!
Давно ему пора сюда явиться...
Но он ведь глуп как пробка, и притом
Талантишком своим весьма гордится!
Мой милый Асмодей! С таким ослом
Совсем тебе не стоило возиться,
Ведь даже без доставки он бы сам
Сегодня или завтра прибыл к нам!

LXXXIX

Но, уж поскольку здесь он, пусть прочтет,
Что он писал...» — «Да можно ли такое? —
Воскликнул Асмодей. — Он, идиот,
Вообразил себя самим судьёю
Всех дел людских! Ведь он же чушь несет!
Он никому не даст теперь покоя!»

«Нет, пусть прочтет! — воскликнул Михаил. —

Послушаемте, что он сочинил!»

XC

Тут бард, счастливый, что нашел вниманье,

Которого не находил у нас,

Готовя рифмы к буре излиянья,

Прокашлялся, подготавливая глас,

Могучим рыком удивил собранье,

Но в первом же гекзаметре увяз,

В котором так подагра угнездилась,

Что ни одна стопа не шевелилась!

XCI

Он дактили пришпорил что есть сил,

Спасая стих свой неудобочтимый,

Но тут затрепетали тьмою крыл

И серафимы все, и херувимы,

И наконец поднялся Михаил:

«Помилуй, друг! Уже утомлены мы!

„Не радуется — Гораций говорит, —

Non Di, non homines...[47] плохой пиит!“»

XCII

И тут поднялся шум: не мудрено,
Что всем стихи внушали отвращенье:
Ведь ангелам наскучили давно
И славословия и песнопенья,
А бывшим смертным было бы смешно
Прийти от грубой лести в восхищенье.
Георг и тот воскликнул: «Генри Пай![48]
Лауреат! Довольно!!! Ай, ай, ай».

XCIII

Гул рос и рос, зловеще свирепея,
От кашля сотрясался небосвод,
Так, изумлять риторикой умея,
Наш Каслрей шумиху создает.
Кричали где-то: «Прочь! Долой лакея!»
В отчаянье от таких невзгод
Бард бросился к Петру, ища защиты,
Петра ведь уважают все пииты!

XCIV

Сей бард природой не был обделен:

Имел и острый взгляд, и нос горбатый,
На коршуна похож был, правда, он,
Но все же в этой хищности крылатой
Имелся стиль, — он был не так дурен,
Как стих его шершавый и щербатый;
Являвший все типичные черты
Холуйства и преступной клеветы.

ХСV

Вдруг затрубил архангел, заглушая —
Невероятным шумом шум большой, —
И на земле метода есть такая:
Лишь раз дебаты окриком покрой —
И водворится тишина немая,
Смущаемая только воркотней.
Ну, словом, стихло все, и бард польщенный
Предался болтовне самовлюбленной.

ХСVІ

Сказал он, что, не видя в том труда,
Писал он обо всем — писал немало,
Он хлеб насущный добывал всегда,
И лакомство ему перепало;
Он мог бы перечислить без труда

Десятки од своих о чем попало:

О Тайлере, Бленгейме,[49] Ватерло[50] —

Ему ведь на издателей везло!

ХСVII

Он пел цареубийц и пел царей,

Он пел министров, королей и принцев,

Он пел республиканских главарей,

Но он же поносил и якобинцев,

Пантисократом[51] слыл из бунтарей,

Но он напоминал и проходимцев,

Всегда способных в нужный срок линять

И убежденья с легкостью менять.

ХСVIII

Сраженья проклинал и пел сраженья,

Их славу восхваляя до небес,

Он защищал поэзии творенья

И нападал на них, как злобный бес,

Всем продавал он музу без стесненья,

Ко всем влиятельным в любимцы лез,

Стихов он написал немало белых,

Но мыслящий читатель не терпел их!

XCIX

Вдруг к Сатане он обратился: «Я
Пишу и биографии на славу!
А вашу написать — мечта мок!
Два превосходных тома in octavo!
Все критики теперь мои друзья,
Читателей-святош я знаю нравы:
Вот только вас чуть-чуть порасспрошу —
И ваше житие я напишу!»

C

Но Сатана молчал. «Я понимаю! —
Воскликнул бард: — Горды вы и скромны!
Тогда я вам, архангел, предлагаю
Мой бескорыстный труд за полцены!
Я так вас расхваляю, что вы, сияя,
Затмите все небесные чины!
Как та труба, которой без усилий
Вы медь моих литавров заглушили!

CI

Но вот мое творенье! Вот „Виденье“!
Вот — справочник: кого и как судить!
Вы можете теперь свои сужденья
О всех и вся бездумно выносить!
Я, как король Альфонс,[52] без затрудненья
И богу мог бы дело облегчить
Советами: ведь ясновидцы все мы,
Легко решаем сложные проблемы!»

СII

И тут он важно рукопись извлек —
Старались тщетно черти и святые
Остановить неистовый поток:
Их доводов не слушал наш вития!
Но сонм теней уж после первых строк
Исчез, как пар, лишь запахи густые
Амброзии и серы после них
Стояли долго в небесах пустых.

СIII

Все ангелы захлопали крылами,
Заткнули уши и умчались ввысь,
Все черти, оглушенные стихами,
В геенну, завывая, унеслись,

Все души смертных робкими тенями
В туманности внезапно расплылись.
Дрожа от страха, а у Михаила
И затрубить-то духу не хватило.

CIV

Тогда апостол Петр ключом взмахнул:
Он после пятой строчки разъярился
И так пиита нашего толкнул,
Что тот, как Фэтон, с небес свалился,
Но в озере своем не утонул,
А за венок лавровый ухватился!
Но зреет в мире буря! Дайте срок:
Смерч вольности сорвет с него венок!

CV

Что утонуть не мог он от паденья,
Пожалуй, объяснить не мудрено:
Всплывает на поверхность, к сожаленью,
Вся грязь и мерзость — так заведено!
И сор и пробки — все несет течение
Реки времен. Писака все равно
«Видения» кропать не перестанет:
Беда, беда, коль бес ханжою станет!

CVI

Но чем же этот гам и суетня

Закончились? Я ныне слаб глазами:

Нет больше телескопа у меня,

И трудно мне следить за небесами.

Однако наш Георг, уверен я,

Пробрался в рай: выводит он с друзьями

(Для этого не надобно ума!)

Теперь рулады сотого псалма!

Равенна. 4 октября 1821

КОММЕНТАРИИ

В конце рукописи поэмы «Видение Суда» Байрон пометил: «Равенна. 4 сентября, 1821. Мет. [53] Поэма начата 7 мая 1821 г., но в тот же день отложена. Возобновил работу около 20 сентября того же года и закончил, как датировано выше».

Поводом для написания этой сатиры послужило опубликование в апреле 1821 г. поэтом Робертом Саути (с 1813 г. поэтомлауреатом при дворе английского короля) верноподданнической поэмы, названной им «Видение Суда» и созданной на смерть английского короля Георга III (1738–1820). В предисловии к ней Роберт Саути не только поносил деятелей Французской революции, но и разрешил себе грубые клеветнические выпады против Байрона и Шелли, причислив их к «сатанинской школе поэзии».

В связи с уклонением издателя-тори Джона Меррея от публикации сатиры Байрон передал рукопись издателю-радикалу Джону Ханту, который за опубликование «Видения Суда» в первом номере журнала «Либерал» был привлечен к суду Королевской Скамьи и оштрафован. Поэма была издана под псевдонимом Quevedo Redivivus лишь 15 октября 1822 г.

Примечания

1

Quevedo Redivivus — «Оживший Кеведо»

(лат.). Кеведо-и-Вильегас Франсиско (1580–1645) — испанский писатель-сатирик. Особенно ярко общественно-политическая сатира выражена в его цикле «Видения», запрещенном в свое время инквизицией.

2

Поп, Александр (1688–1744) — английский поэт, представитель английского классицизма и раннего этапа Просвещения.

3

Скраб — персонаж пьесы английского драматурга Джорджа Фаркера (1678–1707) «The beaux' stratagem» («Уловки кавалеров»). Байрон приводит цитату из реплики во второй сцене третьего акта: «Истинно так! Он и лакей графа тарахтели по-французски, как две утки-интриганки на мельничной запруде, и ясно, что они говорили обо мне, потому что беспрестанно смеялись».

4

Автор «Уота Тайлера». — Английский поэт Роберт Саути (1774–1843) в молодости (1794) написал пьесу об антифеодальном крестьянском восстании в юго-восточной Англии в 1381 г., в котором крестьяне особенно большую ненависть высказывали к церковным феодалам — епископам и аббатам. Восстанием руководил деревенский ремесленник — кровельщик Уот Тайлер. Создав пьесу под влиянием идей Французской революции, Саути позднее отрекся от республиканских взглядов, стал ярким реакционером. Опубликование пьесы «Уот Тайлер» в 1817 г. одним из лондонских издателей (без ведома Саути) еще более убедительно подчеркнуло ренегатство поэта.

5

...отказ в законном удовлетворении за незаконное напечатание... — Пьеса «Уот Тайлер», переданная Саути издателю, не печаталась и течение двадцати двух лет, а выпущенная в

свет в 1817 г. без ведома автора быстро разошлась в количестве шестидесяти тысяч экземпляров. Узнав об этом, Саути по суду потребовал с издателя возмещения понесенных им убытков, но лорд-канцлер Эльдон отказал ему в иске, заявив, что «вознаграждение не может быть присуждено за сочинение, по своему содержанию вредное для общества».

6

Вильям Смит — член парламента. Выступая на заседании палаты общин 14 марта 1817 г. и упомянув о Саути, заявил о «безусловной зловредности этого ренегата».

7

...его прежде высмеивали в «Anti-jacobin» его теперешние покровители. — Стихотворение Саути «Надпись на дверях камеры в Чепстоу Касле, где тридцать лет был заключен царубийца Генри Мартин», опубликованное им в 1797 г., было высмеяно в те годы в пародии Джорджа Каннинга (1770–1827) — крупного политического деятеля-тори, с 1807 по 1809 г. и с 1822 г. — министра иностранных дел. «Anti-jacobin» — реакционный еженедельник «Антиякобинец», выходивший в 1797–1798 гг.

8

...возведение в святыя монарха, который... не был патриотом... — Байрон имеет в виду короля Георга III.

9

Филдинг, Генри (1707–1754) — выдающийся прозаик и драматург, представитель английского просветительского реализма. Байрон упоминает его фантастическую сатиру «Путешествие в загробный мир» (1743).

10

...на мои, Кеведо, «Видения»... — Здесь Байрон говорит от лица якобы «ожившего» испанского писателя Кеведо.

11

...не как «школьный святой»... — Байрон приводит цитату из «Подражания Горацию» А. Попа.

12

Чосер, Джеффри (1340?-1400) — английский поэт, автор «Кентерберийских рассказов».

13

Пульчи, Луиджи (1432–1484) — итальянский поэт-гуманист. В героической поэме «Большой Моргайте», проникнутой народным юмором и повествующей о приключениях рыцарей и сказочных героев, высмеял католическую церковь и рыцарство.

14

Свифт, Джонатан (1667–1745) — великий английский сатирик. Здесь Байрон упоминает его «Сказку о бочке» — сатиру на англиканскую и католическую церковь и пуританство.

15

Лендор, Уолтер Сэвидж (1775–1864) — английский поэт и прозаик. В 1820 г. опубликовал в Париже том стихов на латинском языке.

16

Иберия — в древности так назывался Пиренейский полуостров.

17

Якобинская эра. — Байрон имеет в виду Французскую революцию.

18

Стряпчий — адвокат.

19

...много царств сменилось и систем... — Имеется в виду неоднократный передел мира во время Французской революции конца XVIII в., в период наполеоновских войн и после Венского конгресса.

20

Ватерло — историческое сражение при поселке Ватерлоо близ Брюсселя 18 июня 1815 г., в ходе которого армии Наполеона был нанесен сокрушительный удар.

21

На рубеже Второй Зари Свобод // Георг скончался. — Английский король Георг III умер в январе 1820 г. в момент подъема революционного движения в Испании, Италии, Дунайских княжествах и Греции.

22

...Одна лишь наша церковь — путь к спасенью... — Байрон иронизирует над утверждением англиканских священников о том, что лишь англиканская церковь превыше других.

23

...один тут был с обрубком шеи... — Байрон имеет в виду французского короля Людовика XVI, казненного во время Французской революции.

24

В руках, умевших нити направлять, // Марионеткой праздной он болтался... — В связи со слепотой и психическим заболеванием Георг III с 1811 г. фактически уже не управлял страной.

25

Пэрри (Парри), Уильям Эдуард (1790–1855) — английский морской офицер и полярный исследователь. Совершил ряд плаваний в арктических водах, в 1819 г. зимовал близ острова Мэлвилл в Арктике.

26

Сауткот, Джоанна (1750–1814) — английская писательница. В 1813–1814 гг. опубликовала «Книгу чудес».

27

...из Иова... известно... — Байрон с иронией упоминает о трактате Джона Мэсона Гуда (1764–1827), изданном в 1812 г., в котором Гуд рассматривал «Книгу Иова» как исторически и биографически достоверный источник.

28

...Мостящих ад... // Обломками «прекрасных начинаний». — Крылатое выражение: «Благими намерениями ад вымощен» — приписывается Сэмюэлу Джонсону (1709–1784), английскому критику, лексикографу, драматургу.

29

Он подданных любимцу отдал в пасть. — Приближенным короля Георга III долгое время был Бьют, Джон Стюарт (1713–1792) — английский политический деятель, крайний тори, премьер-министр (1762–1769).

30

Его потряхнул недавно Новый Свет... — После войны за независимость, претив колониального гнета Англии, 4 июля 1776 г. Соединенные Штаты Америки провозгласили независимость.

31

...обрушил гнев несправедливый // На христиан король благочестивый? — В 1795 г. и позже Георг III неоднократно высказывался против предоставления гражданских прав ирландцам-католикам, а в 1807 г. потребовал от министров заверений, что они никогда не будут предлагать никаких уступок католикам. Восстание 1798 г. в Ирландии было подавлено с невероятной жестокостью.

32

Гвельф. — Байрон приводит итальянскую форму фамилии Вельф. Георг III был курфюрстом Ганноверским из рода Вельфов.

33

Джон Буль — прозвище англичан.

34

Джонатан — персонаж из романа Г. Филдинга «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого».

35

Джек Уилкс (1727–1797) — английский политический деятель, публицист. Издавал газету «Норт Бриттен», в которой в апреле 1763 г. резко критиковал тронную речь короля Георга III. Подвергся аресту и был исключен из палаты общин. Позже был судом оправдан и вновь стал членом парламента.

36

Грэфтон, Август Генри (1735–1811) — английский политический деятель, первоначально виг, затем — тори, травивший Уилкса.

37

Фокс, Чарлз Джеймс (1749–1806) — английский государственный деятель, глава радикального крыла партии вигов.

38

Питт, Уильям Младший (1759–1806) — английский политический деятель, лидер партии тори, премьер-министр (1783–1801 и 1804–1806).

39

Юниус — «Письма Юниуса», публиковавшиеся под псевдонимом в 1769–1771 гг. в журнале «Паблик адвертайзер» в Лондоне, поразили читателей открытой и смелой критикой политики английского правительства и выступлений ряда реакционных политических деятелей. Автор писем не установлен.

40

Француз, который выяснить пытался // Железной Маски тайну... — Предполагается, что человек, брошенный по приказу французского короля Людовика XIV в крепость, был граф Эрколо Антонио Маттиола, государственный секретарь при дворе Фердинандо Карло Гонзага, герцога Мантуанского, Ряд лет провел в крепости, в том числе в Бастилии.

41

Миссис Малапроп — персонаж из комедии Шеридана «Соперники».

42

Барк (Бэрк), Эдмунд (1729–1797) — английский политический деятель, один из предполагаемых авторов «Писем Юниуса».

43

Тук, Джон Хорн (1736–1812) — английский политический деятель, публицист, предполагаемый автор «Писем Юниуса».

44

Сэр Фрэнсис, Филипп (1740–1818) — также один из предполагаемых авторов «Писем Юниуса».

45

Nominis Umbra — тень имени (лат.), псевдоним автора «Писем Юниуса».

46

Скиддо — гора в Кумберленде, где часто жил Роберт Саути.

47

Ни богу, ни человеку... (лат.).

48

Генри Пай — английский поэт Генри Джеймс Пай (1745–1813), с 1790 г. придворный поэт-лауреат Георга III. Писал во множестве бездарные стихи.

49

Бленгейм — «Бленгеймская битва» — раннее произведение Р. Саути (1802), написанное под влиянием идей Французской революции.

50

Ватерло — «Паломничество поэта к Ватерлоо» (1816), произведение Саути, написанное в реакционном духе.

51

Пантисократ — сторонник социального строя, в котором установлена общность имущества.

52

Король Альфонс. — Король Альфонс X Кастильский (1221–1284) был автором ряда научных трудов.

53

Мем. [Memorandum] — заметка для памяти

(лат.).

О. Афонина